

УДК 81-114.2

ББК Ш100

ГСНТИ 16.21.21

Код БAK 10.02.19

А. О. Лалетина

Нижний Новгород, Россия

A. O. Laletina

Nizhny Novgorod, Russia

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

GLOBALIZATION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Аннотация. Анализируются зарубежные лингвистические исследования, затрагивающие глобализационные процессы и влияние, которое они оказывают на язык. Автор выделяет три направления в изучении глобализации и языка: изменения в мировой системе языков; появление глобальных дискурсов и коммуникативных практик; локальные языковые практики и использование языка как средства конструирования идентичности.

Abstract. The article analyses major linguistic works which focus on globalization and its impact on language. Three directions of globalization and language research are singled out: changes occurring in systemic relationships between languages; emergence of global discourses and communication practices; local language practices and use of language as a means of identity work.

Ключевые слова: глобализация; язык; коммуникация; дискурс; социокогнитивизм.

Key words: globalization; language; communication; discourse; socio-constructionism.

Сведения об авторе: Лалетина Александра Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений, экономики и управления.

About the author: Laletina Aleksandra Olegovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages, Faculty of International Relations and Management.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

Place of employment: the Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobroliubov.

Контактная информация: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а.
e-mail: alaletina@yandex.ru.

Несмотря на то что в академическом, профессиональном и повседневном общении нет единства мнений относительно трактовки термина «глобализация», бесспорным остается, что глобализационные процессы затронули жизнь большей части населения Земли. К основным сферам анализа глобализации следует отнести экономику, политику и культуру. В центре экономических исследований находятся такие глобализационные процессы, как усиление экономических контактов, устранение таможенных барьеров, становление и развитие мирового рынка, а также сама новизна и значимость данных феноменов для каждого социума. Рост межнациональных политических институтов, стирание четких национальных границ также занимают важное место в глобализационной полемике. При этом наибольшие споры и дискуссии вызывает так называемая культурная глобализация, частью которой являются инновации и новые тенденции в языке как средстве межкультурного общения. Дискуссионным является вопрос о так называемой гомогенизации культуры, часто рассматриваемой как всеобщая американизация культурной сферы, изменение локальных культур и языков в сторону их большей гармонизации с ценностями североамериканской цивилизации. Национальный язык социума при этом становится максимально восприимчивым к лексическим, иногда даже

грамматическим заимствованиям из английского языка.

Интенсивное научное осмысление взаимоотношения языка и глобализационных факторов началось относительно недавно: в последнее десятилетие XX в. в зарубежном языкознании и в начале третьего тысячелетия — в отечественном. Накопленный опыт позволяет констатировать, что глобализация представляет собой многогранный социальный, институциональный и культурный феномен, лингвистическое описание которого выходит за рамки гипотезы уподобления и упрощения языков и культур. Глобализация и влияние, которое она оказывает на язык, вызывают широкую полемику среди лингвистов. Дискуссионным является вопрос о необходимости разработки новых теоретических и методологических подходов, учитывающих комплексность глобализации как сложной саморазвивающейся системы. Нерешенным является вопрос и о выборе единиц анализа: обсуждается, в частности, затрагивает ли глобализация язык как систему, обслуживающую меняющиеся социальные и социолингвистические системы, или в большей мере глобализация влияет на язык как социальную практику и ведет к появлению новых жанров и стилей и к изменению идеологии использования языка. Работы разнятся и по степени политической ангажированности — ученые пытаются

Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Глобализация и язык: социолингвистический анализ языковой ситуации на материале русского, английского и немецкого языков» при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.». Проект реализуется в рамках Научно-образовательного центра междисциплинарных исследований языка и культуры ФГБОУ ВПО НГЛУ.

© Лалетина А. О., 2011

ся дать оценку политическим действиям, влекущим за собой или способствующим глобальному распространению определенных языков.

В настоящей статье рассматриваются работы зарубежных лингвистов, которые отражают основные направления исследования глобализационной проблематики. На современном этапе при всем многообразии подходов можно выделить три доминирующих направления в изучении языка и глобализации: 1) исследование изменений в мировой системе языков, принципов типологии языков; 2) анализ становления и развития глобальных дискурсивных и коммуникативных практик; 3) рассмотрение языка как универсального семиотического кода, переключение которого в ряде случаев является одним из важнейших инструментов конструирования идентичности.

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.

Глобальные изменения геополитической, социальной и этнокультурной среды влекут за собой перемены в функционировании языка, его роли в процессах коммуникации. Меняются параметры социальной типологии языков, в связи с чем возникает необходимость по-новому осмыслить принципы социолингвистической классификации (типологии). В частности, неустаревающей остается традиционная структурная типология языков, направленная на выявление сходства между языками на различных уровнях языковой системы (фонетико-просодическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом), в то время как статус языков является одним из наиболее дискуссионных вопросов в глобализационной тематике.

Коммуникативный статус языка традиционно определяется исходя из объема и структуры коммуникации на языке, главным инструментом служат статистические данные о численности населения. Однако в условиях постоянно увеличивающегося числа миграционных потоков и информационных ресурсов необходим более точный механизм. Частично эта проблема решается посредством уточнения ареала коммуникативного пространства. Так, предлагается выделять центральные, суперцентральные и гиперцентральные языки в зависимости от их коммуникативной ценности в региональном, континентальном или глобальном масштабе [Swaan 2010].

Подробнее других описано влияние геополитических факторов на состояние английского языка, который, с одной стороны, выступает мощным орудием экспансии, а с другой — подвергается пиджинизации. Большинство работ освещают роль английского языка в глобальном мире [Crystal 2003; Garrett 2010], описывают изменения, которые происходят в самом английском языке [Bauer 1994], систематизируют представления рядовых граждан о «чужом» языке [Flaitz 1988; Garrett 2010; Singleton 2007], раскрывают вопросы идентичности в условиях многоязычного мира [Bucholtz, Hall 2008; Singleton 2007; Skapoulli 2005].

Помимо традиционных работ, освещающих интенсивный процесс заимствования лексики из английского языка, в последнее время появились труды, свидетельствующие об изменении научной парадигмы при описании роли английского языка в современном мире. В частности, раздвинулись границы английского языка: он перестал восприниматься исключительно как родной язык населения Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, т. е. как язык с четко обозначенными нормами употребления, «проводник» англосаксонской культуры. В условиях глобального мира английский язык является языком множества стран, его различные варианты признаются равнозначными (например, индийский английский, филиппинский английский, южноафриканский английский и др.), и, наконец, английский язык может являться средством выражения любой культуры. Яркой иллюстрацией последнего тезиса является исследование М. Сарачени, анализирующего использование английского языка как средства распространения арабской культуры по всему миру. После террористических актов 11 сентября 2000 г. в Нью-Йорке канал Аль-Джазира открыл новый англоязычный канал Al Jazeera English, который призван стать не только арабским аналогом каналов BBC и CNN, но и служить проводником арабской культуры во всем мире [Saraceni 2010].

Английский язык, несомненно, является мощным орудием глобализации, но в то же время становится и объектом глобализационных процессов, так как претерпевает множество одномоментных изменений в различных частях света. Однако вместе с этим ученые отмечают изменения в иерархии других языков. Интересен в данном случае пример испанского языка, который вполне может претендовать на статус глобального. Свидетельством глобальности испанского языка могут служить следующие факты: создание общего рынка стран Южной Америки (Меркосур); увеличение доли интернет-ресурсов, в том числе научных публикаций, на испанском языке; расширение сети СМИ, вещающих и печатающихся на испанском языке; включение испанского языка как иностранного в школьную программу в ряде государств, таких как США, Япония, Австралия.

Среди ведущих факторов «продвижения» испанского языка в глобальном пространстве выделяют две разнонаправленные тенденции: 1) централизованная международная языковая политика государств, особенно Испании, и 2) массовая культура, в частности популярная музыка, способствующая распространению испанского языка в мире [Mar-Molinero 2010].

Языковая политика испанского правительства преследует две цели: с одной стороны, Испания стремится сохранить лидерство в испаноговорящем мире, с другой — получить экономическую выгоду от «продажи» испанского

языка. Достижение данных целей осуществляется посредством двух основных институтов — Королевской академии испанского языка (Real Academia de la Lengua Espanola (RAE)), членом Ассоциации академий испанского языка (Asociacion de Academias de la Lengua Espanola (ASALE)), и Института Сервантеса (Instituto Cervantes). основополагающий принцип деятельности обоих учреждений — нейтрализация языковой вариативности и поддержание единой нормы испанского языка, основанной на распространённых в центральной Испании речевых образцах, как нейтрального средства социальной интеракции.

Гибридная по своей природе культура латиноамериканского населения США является вторым мощным инструментом популяризации испанского языка в мире и иллюстрирует процесс глобализации «снизу». Тесное переплетение культур, которое в языковом аспекте закрепило как «испанский английский» (англ. Spanglish), вызвано социолингвистическими факторами: с одной стороны, неоспоримой остаётся доминирующая роль английского языка, однако в то же время испанский язык сохраняет свои позиции родного (первого) языка для иммигрантов из испаноговорящих стран, которые, стремясь сохранить свою идентичность, пытаются противостоять навязыванию как английского языка, так и нейтрального испанского. Популярная музыка играет ведущую роль в конструировании и транслировании американо-латинской культуры. Многие исполнители стремятся сохранить свою смешанную (американо-латинскую) идентичность: Рики Мартин, Дженнифер Лопес, Энрике Иглесиас, Кристина Агилера и Шакира. Музыкальное оформление песен соответствует основным направлениям в жанре поп-музыки, в то время как тексты содержат либо вкрапления разговорного испанского языка или региональных вариантов испанского языка, либо полностью написаны на испанском языке. Таким образом, локализованный испанский язык приобретает глобальный статус и конкурирует наравне с доминирующим элитным (нейтральным) стандартом языка, который охраняется испанским правительством.

Другим примером слабости языковой политики государства в условиях экономических глобализационных процессов служит описанный Б. Буш опыт республик бывшей Югославии в области использования языка как одного из средств национального самоопределения [Busch 2010]. Национальный язык в данном случае трактуется в рамках концепции М. М. Бахтина как «идеологически наполненная категория», а не «абстрактная грамматическая категория» [Бахтин 2011].

В Социалистической Федеративной Республике Югославии сербохорватский язык был официальным языком республик Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория. Новообразованные государства объявили хорват-

ский (1990) и сербский (1992) как официальные языки соответствующих республик, при этом в Боснии и Герцеговине введено три официальных языка — боснийский, хорватский и сербский. Признанию самобытности и уникальности собственного языка способствовал ряд факторов: административные ресурсы и законодательная деятельность государства, средства массовой информации и разобщённость наций в период военных действий, сопровождавших распад Югославии. С конца 1980-х гг. наблюдается всплеск публикации словарей различий между сербским и хорватским языками, а также словарей-справочников по нормативной хорватской грамматике, цель которых формулировалась так: «помочь людям, стремящимся говорить на хорошем хорватском языке в повседневной жизни, показать национальное самосознание посредством языка» [Busch 2010: 188]. Подобные словари и справочники появились и в Боснии. В качестве самобытности языка указывалось обилие лексических единиц тюркского происхождения (70 % общего словаря). В Сербии средством акцентирования различия послужил вид письменности: кириллица законодательно признавалась официальной системой письменности, впоследствии латинские надписи исчезли из общественных мест, из эфира государственных СМИ, из образовательных материалов. Конструированию языковых границ также способствовало создание и поддержание определенной идеологии, мифов и метаязыкового дискурса, подчеркивающего языковые различия. Так, Б. Буш приводит пример референции «сербские коммунистические оккупанты» по отношению к Югославской народной армии, которая задаёт определенное прочтение общей социальной ситуации [Busch 2010: 191]. Символические границы между языками создает и дублированный перевод сербского текста на хорватский язык в кино и на телевидении.

Глобализационные процессы, концентрирующиеся в основном в экономической сфере и включающие в себя расширение прежде всего экономического сотрудничества и получение максимальной прибыли, диктуют другие принципы языковой политики. Для охвата более широкой аудитории СМИ намеренно стремятся не придерживаться предписанных правил какого-либо определенного литературного языка и конструируют единое языковое пространство на территории бывшей Югославии. В наибольшей степени это затрагивает телевизионные каналы, ориентированные на массового зрителя, в основном на молодое поколение, и журналы, публикующие материалы о знаменитостях. В этнически неоднородных районах, например в Воеводине и Скопье, СМИ не только вещают на различных языках, но и стремятся представить различные точки зрения.

В целом результаты исследований изменений в глобальной системе и иерархии языков

подтверждают тезис о ведущей роли экономических процессов глобализации. Получение выгоды, прежде всего материальной, является главным мотивирующим фактором выбора того или иного языка как средства общения. Инструментами достижения глобальной массовой аудитории служат современные технические средства связи.

ГЛОБАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ. Очевидно, что в ближайшем будущем мир сохранит языковое разнообразие: переход на один язык во всех сферах человеческой жизнедеятельности маловероятен. Вместе с этим, исследуя причинно-следственные связи между языковыми и социальными изменениями, ученые обращают внимание на развитие полемических форм диалога, возрастание роли устной речи («орализации, диалогизации, плюрализации, персонификации общения» [Стернин 2010: 13]), изменения в языке публицистики, рост удельного веса конфликтного общения, повышение доли оценочной лексики в речевом потоке, расширение границ речевой свободы, проникновение в публичную речь большого объема сниженной и маргинальной лексики. Данные тенденции характерны в большей мере для американской лингвокультуры и в меньшей степени для других языков, генеалогически и ареально не связанных с английским. Думается, что в данном случае целесообразно говорить о проникновении культурных и коммуникативных норм англоязычного социума в иные языковые общности и о вытеснении локальных дискурсивных практик, что является непосредственным следствием глобализационных экономических процессов.

Ведущую роль в данном процессе играет доля сферы услуг на международном рынке. Уровень обслуживания клиентов повышает конкурентоспособность компании, вследствие чего компании уделяют значительное внимание тому, как сотрудники общаются с клиентами. Вместе с расширением территории деятельности компании увеличивается и территория использования принятых в ней норм общения, которые в случае их эффективности могут быть приняты и местными предприятиями. Речь в данном случае идет о наборе коммуникативных норм для успешной социальной интеракции, в особенности это затрагивает такие параметры общения, как степень официальности, вежливость, выражение эмоциональных состояний и оценочных позиций.

Среди параметров эффективной «глобальной» модели коммуникации Д. Камерон отмечает следующие:

1) речь предпочтительнее молчания, которое интерпретируется как закрытость от окружающих;

2) прямота предпочтительнее опосредованных форм выражения мысли, коммуниканты должны общаться ясно и выбирать прямые речевые акты;

3) предпочтительнее использовать языковые единицы, речевые стратегии и тактики, нейтрализующие статусное неравенство и социальную дистанцию и позволяющие сохранить положительное лицо собеседника (концепция Браун и Левинсон) [Brown 1987];

4) особое внимание уделяется речевым жанрам, нацеленным на сотрудничество и устранение конфликтных ситуаций, которые, по мнению современных ораторов, возникают скорее в результате непонимания и провала в коммуникации, нежели чем по причине глубоких разногласий и конфликта интересов;

5) умение вербально выражать («делиться») своими чувствами и эмоциями, ассоциирующееся с честностью и искренностью [Cameron 2008: 29—30].

Коммуникантам рекомендуется следовать данным принципам в любой ситуации общения: в разговоре с коллегами, в магазине или с членами семьи. Универсальность данных параметров эффективной коммуникации принципиально отличается от понимания коммуникативной компетенции в традиционном социолингвистическом ключе, которая заключается в умении варьировать языковые средства в зависимости от ситуации общения.

Д. Карбо соотносит доминирующие нормы эффективной коммуникации с тремя идеалами американской культуры: эгалитарный индивидуализм, свобода слова и толерантность [Carbaugh 1988]. Несмотря на то что данные понятия не разделяются другими культурами, они достаточно быстро и широко распространяются по миру, что ведет если не к единой модели речевого поведения, то к сглаживанию и нивелированию культурных различий. В сфере экономического сотрудничества и в ряде ситуаций это может быть оправданно, так как помогает быстрее и эффективнее добиваться поставленной цели, однако в целом негативно сказывается на дальнейшем культурном развитии человечества.

Заемствование и подражание коммуникативным нормам другой культуры — явление далеко не новое, примером тому служит влияние языка Библии на становление христианского религиозного дискурса. В условиях глобализации наблюдается становление глобальных дискурсивных практик (например, глобалистский дискурс, дискурс экономики знаний, дискурс войны с террором и проч.) и глобальных коммуникативных практик (в сфере образования, бизнеса, туризма и проч.).

Основополагающим принципом исследований глобальных дискурсов является понимание языка как социального действия. Дискурс выполняет не только репрезентирующую функцию (отражает как в зеркале и фиксирует наличие глобализационных процессов), но и функцию формирования представлений о глобализации и реализации их на практике. Например, неолиберальный экономический дискурс, артикули-

руя экономические стратегии, приводит к реальным социально-экономическим изменениям.

Работа А. Муни [Mooney 2010] иллюстрирует, как глобализация влияет на религиозный дискурс и как религиозный дискурс участвует в развитии глобализационных процессов. С одной стороны, современные религиозные практики отражают общую тенденцию к гибридизации дискурса [Mooney 2010: 328]. Так, разграничение духовной и светской музыки все более сложно в условиях, когда христианские рок-группы занимают ведущие места в светских хит-парадах. Разнородными являются и некоторые жанры духовной музыки — христианский рок и рэп, — сочетающие библейские тексты и мирское музыкальное оформление. С другой стороны, смешение образовательной и обрядовой функций в религиозной практике ведет к усилению интегративных процессов в культурной сфере. Так, в ряде регионов земного шара изучение английского языка инициировано христианами миссионерами и основывается на религиозных текстах. Примером гибридизации образовательной и религиозной функции может служить журнал «Soon!» и его онлайн-версия (www.soon.org.uk). Учредителем журнала — группа христиан из Дерби, Великобритания, цель издания — предоставить инструменты для изучения английского языка (словарь, грамматические тесты, ссылки на радиопередачи, транслируемые через Интернет, адреса школ в Великобритании и пр.). Тематика текстов, предлагаемых для параллельного чтения, довольно специфична и включает в себя рассказы с библейской моралью, повествования о жизни известных христиан (спортсменов, политических деятелей). Распространение английского языка как языка религиозной практики в дальнейшем может служить источником для конструирования идентичности, для формирования приверженности определенным (в данном случае англосаксонским) культурным ценностям.

Агентами дискурсов о глобализации выступают академическая/научная среда, государственные структуры, неправительственные организации, средства массовой информации и повседневная жизнь [Fairclough 2006: 5].

Одним из наиболее востребованных подходов к анализу дискурсов о глобализации является риторический анализ, в центре внимания которого находится то, как дискурсы глобализации (глобалистский, антиглобалистский, дискурс «войны с террором» и пр.) используются для обоснования и продвижения тех или иных политических целей и действий, чтобы убедить/заставить ту или иную аудиторию принять определенную точку зрения путем «внедрения популярных конструктов глобализации». Исследование А. Ходжеса, выполненное на материале американских и сербских СМИ, служит яркой иллюстрацией данного подхода. По мнению автора, дискурс войны с терроризмом навязывает глобальную оппозицию между «ними»

и «нами». Они в данном случае — это террористы, исламские фундаменталисты, а мы — это жертвы и западные рационалисты [Hodges 2010: 306]. Данный дискурс конструирует определенную интерпретацию международных отношений. Так, Дж. Буш мотивировал военные действия американских войск в Ираке необходимостью войны с террором после событий 11 сентября. А. Ходжес отмечает, что впоследствии, во многом благодаря действию глобальных СМИ, дискурс войны с терроризмом был заимствован сербским правительством для оправдания сербо-боснийского конфликта и конфликта между сербами и косовскими мусульманами. Риторика этого дискурса способствовала созданию положительного образа российского правительства в вооруженном конфликте с «чеченскими сепаратистами», который был переосмыслен в терминах «войны с терроризмом».

Итак, новой тенденцией в развитии языков является не только становление глобальных коммуникативных и дискурсивных практик, но и появление общего для различных культур информационного и коммуникативного фона, позволяющего не только интерпретировать различные события в русле единого дискурса, но и во многом способствующего усилению глобализационных процессов.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ. Переключение кода, которое в настоящей работе определяется как «попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим» [Проценко 2004], в глобальном мире становится типичным и для монолингвальных стран. При этом в переключении кода, как правило, участвуют национальный (официальный) язык государства и английский язык. Перспективным представляется исследование переключения кода с социоконструктивистских позиций как средства конструирования социальной идентичности.

Переключение кода активно используется для индексирования сексуальности и возраста/молодежной идентичности. Так, К. Холл [Bucholtz 2008] установила, что переключение с хинди на английский язык в повседневном взаимодействии среди жителей Нового Дели (Индия), в частности среди билингвальных групп, идеологически маркировано и отражает существующие в социуме классовые различия. Так, для лесбиянок английский язык является наиболее подходящим средством выражения прогрессивной сексуальности, в то время как хинди индексирует устаревшие и дискриминационные представления о сексе. При этом женщины, которые относят себя к более низкому социально-экономическому классу, не разделяют установку на прогрессивный английский язык и предпочитают использовать хинди в качестве маркера собственной сексуальной идентичности.

Исследование Е. Скапоулли [Skapoulli 2005] иллюстрирует использование английского языка кипрскими подростками как средства молодежной идентичности. В ходе включенного наблюдения и последующих интервью с подростками установлено, что английский язык ассоциируется у них с молодежной культурой и, как следствие, является маркером престижности в данной возрастной группе. Заимствования настолько тесно интегрированы в процессы повседневной интеракции, что зачастую подростки используют англицизмы неосознанно, что подтверждается данными интервью: подростки отрицают, что употребляют иностранные слова, однако анализ записей ситуаций общения констатируется обратное.

В коллективной монографии, выпущенной под редакцией Б. МакЕлхинни [Words 2007], представлены работы, посвященные вопросам конструирования гендерной идентичности в разных культурах в глобальном мире. Вопросы гендерной идентичности рассматриваются в неразрывной связи с экономическими и геополитическими условиями социумов.

Таким образом, в некоторых социумах переключение кода является маркером не только современности/традиционности, но и может индексировать этничность, гендер, класс и сексуальную идентичность. Рассмотрение распространения английского языка с этнографической и/или социолингвистической точки зрения позволяет раскрыть процесс вхождения английского языка в локальные знаковые системы.

Краткий анализ зарубежных исследований приводит к выводу о разнообразии путей изучения языка и глобализации. Вместе с тем все лингвистические исследования глобализации в той или иной мере затрагивают вопросы взаимодействия языков и переосмысления природы языка. В условиях изменения языковой ситуации, уплотнения языковых контактов язык играет двоякую роль: с одной стороны, перемены в языке отражают суть происходящих социальных изменений (политической расстановки сил, направления выбора партнеров для экономического сотрудничества), с другой — язык является механизмом, посредством которого становится возможным межкультурное и межкультурное взаимодействие. Экономическая основа межнационального взаимодействия определяет коммуникативный статус языка, который в настоящее время все чаще коррелирует с потенциальной коммерческой выгодой от его использования как средства общения. Более того, язык и речевая практика вписываются в логику рынка и становятся товаром, приносящим денежную прибыль. Владение языком высокого глобального статуса дает доступ к ресурсам, в том числе лингвистическим, единого семиотического (культурного) фонда, создание которого стало возможным благодаря стиранию сколь-либо значительных временных и пространственных границ в рамках единого медий-

ного пространства. Более того, лингворесурс (язык), традиционно приписываемый одному социокультурному пространству, утрачивает часть своей этнокультурной специфики и становится семиотическим средством создания социальной идентичности; таким образом происходит процесс перестройки глобального языкового и культурного пространства.

Думается, что актуальным и востребованным направлением дальнейшего изучения данной проблематики является тематика развития русского языка под влиянием глобализации. Так, остро стоит вопрос о том, обладает ли русский язык тем необходимым коммуникативным статусом, который бы позволил ему занимать ведущее место в глобальной системе языков. Малоизученны механизмы языкового конструирования социальной идентичности в современном русском лингвокультурном пространстве и их динамика. Интерес представляют и локальная (русская) составляющая таких глобальных дискурсов, как дискурс демократии, рыночной экономики, терроризма, религии, образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Слово о романе. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/slov_rom.php (дата обращения: 24.07.2011).
- Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123—127.
- Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Воронеж, 2000. Вып. 2 : Язык и социальная среда. С. 4—16.
- Bauer L. Watching English change: an introduction to the study of linguistic change in standard Englishes in the twentieth century. — L.: Longman, 1994.
- Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Bucholtz M., Hall K. All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics // Journal of Sociolinguistics. 2008. 12/4. P. 401—431.
- Busch B. New national languages in Eastern Europe // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 182—200.
- Cameron D. Globalizing 'communication' // New Media Language / ed. by Jean Aitchison and Diana M. Lewis. — L.: Routledge, 2008. P. 27—35.
- Carbaugh D. Talking American: Cultural Discourses on Donahue. — Norwood, NJ: Ablex, 1988.
- Crystal D. English as a global language. Sec. ed. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Fairclough N. Language and Globalization. — Routledge, 2006.
- Flaitz J. The ideology of English: French perceptions of English as a world language. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1988.
- Garrett P. Attitudes to language. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.

Graddol D. The future of English?: a guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. — L.: British Council, 1997.

Hodges A. Discursive constructions of global war and terror // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 306—322.

Mar-Molinero C. The spread of global Spanish: From Cervantes to reggaetón // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 162—181.

Mooney, A. Has God gone global? Religion, language and globalisation // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 323—345.

Saraceni M. The relocation of English: shifting par-

adigms in a global era. — Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010.

Singleton D. Globalization, language, and national identity: the case of Ireland. — Dublin: Trinity College, Centre for Language and Communication Studies, 2007.

Skapoulli E. Local and global cultural encounters and the linguistic negotiation of youth identity in Cyprus : A dissertation submitted for the degree Doctor of Philosophy in Education. — Santa Barbara: University of California, 2005.

Swaan A. de. Language systems // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 56—76.

Words, worlds, and material girls: language, gender, globalization / Bonnie S. McElhinny (ed.). — Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. С. Гриценко